

Ленинградская правда
1 июля 1964

50 ЛЕТ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Алиса КООНЕН,
народная артистка республики

КУРТКА КОМИССАРА

...СМОЛНАЕТ говор, идет занавес. Проженторы бегут по зрительному залу, и в сиречьивающихся стрелах света возникают фигуры Ведущих. Они начинают героическую повесть о тех, кто отдал жизнь «За марку военного флота», за боевое знамя революции. Так начинается спектакль по пьесе Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия» в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина.

Огромным событием явилась постановка этой пьесы в ноябре 1955 года народным артистом Советского Союза Г. А. Товстоноговым. Ленинградский спектакль был показан в Москве делегатам XX съезда партии, был удостоен Ленинской премии.

Среди произведений драматургии, созданных в нашей стране за полвека, «Оптимистическая трагедия» занимает особое место. Удивительной силой обладает эта великолепная пьеса, принадлежащая перу писателя-коммуниста, многие годы жизни которого, в частности годы войны и блокады, были тесно связаны с Ленинградом. Поэтому именно с рассказа о создании этой пьесы начинаем мы публикацию материалов о лучших произведениях советского искусства за 50 лет. Не стареют герои пьесы: с неизменным волнением следят зрители за тем, как женщина-комиссар создает регулярный полк из анархистской банды.

Эту роль в день первого представления «Оптимистической трагедии» в Московском Камерном театре играла народная артистка республики Алиса Георгиевна Коонен.

Мы попросили первую исполнительницу роли Комиссара поделиться своими воспоминаниями об этой работе, об авторе пьесы Вс. Вишневском.

Я ПОЗНАКОМИЛАСЬ с Всеволодом Вишневским на одном из совещаний. После доклада художественного руководителя Камерного театра Александра Яковлевича Таирова, в антракте, за кулисами Вишневский подошел к нам. Представился. Маленький, крепкий, с залорными, исподлобья глядящими глазами, он мне очень понравился.

Завязался разговор. После совещания мы вместе вышли на улицу, долго бродили взад и вперед по Тверскому бульвару. Вишневский и Таиров попеременно говорили о путях искусства, о том, куда, как идти. Потом мы зашли к нам, сидели до утра, пили кофе. И снова — взволнованный разговор. О драматургии, о театре, о правде времени. Выяснилось, что Всеволод Вишневский очень хорошо знает Камерный театр, видел все его постановки.

В этот вечер завязалась крепкая дружба Вишневского с Таировым, длившаяся долгие годы. Их встречи становились все более частыми, а потом — ежедневными. Была у Вишневского привычка писать письма. И зачастую утром, даже если накануне они виделись, Таиров получал от Всеволода письмо, всегда очень обстоятельное, с планами и мыслями, вдруг пришедшими ему в голову.

Так постепенно зрела тема новой пьесы для нашего театра. И вскоре, как оба они говорили, она «начала дышать» и, наконец, «задышала».

Как-то Всеволод, придя к нам, сказал мне:

— Буду писать для тебя Ларису. И пояснил: — Ларису Рейснер. Ты обязательно должна ее сыграть. У вас и в характере есть что-то схожее. И имена рифмуются: Алиса — Лариса.

Я сказала Всеволоду, что воплотить на сцене Ларису Рейснер было бы для меня большой радостью.

Имя Ларисы Рейснер еще при жизни было окружено легендой. Красивая, выросшая в прекрасных условиях, она с первых дней революции связала свою жизнь с ее судьбами. Она самоотверженно служила революции, обладала поразительным бесстрашием и мужеством. Ее очерки, вся ее литературная деятельность были вдохновлены событиями Великого Октября, гражданской войны. В 1918 году она уехала в качестве комиссара на фронт.

Я с нетерпением ждала обещанную пьесу. И вот, наконец, в театре вывешено объявление: «Всеволод Вишневский читает свою новую пьесу». Названия еще не было. Кстати сказать, появилось оно неожиданно. Как-то поздно вечером мы сидели в кабинете у Александра Яковлевича. Вишневский и Таиров перебирали разные варианты названий. Всеволода очень смущало определение жанра пьесы — трагедия. Почему-то ему казалось, что за этим стоит что-то традиционно-возвышенное, с пиками, алебардами и горой трупов на сцене.

— Я понимаю, что наша пьеса — трагедия, — говорил он. — Но это же трагедия оптимистическая.

— А почему бы так и не назвать пьесу? — воскликнула я.

От неожиданности Всеволод вскопчил. И тут же красным карандашом наверху исчерканной первой страницы написал: «Оптимистическая трагедия».

Чтение пьесы на труппе. Читал Всеволод замечательно. Его темперамент захватывал, каждый образ казался живым. Многие актеры плакали. После чтения труппа устроила ему бурную овацию.

ДНЯ через два было назначено чтение у наркома просвещения А. С. Бубнова. Среди приглашенных были представители высшего военно-

го командования, были Ворошилов, Буденный. Вишневский читал с большим подъемом, слушали его очень внимательно. После чтения все начали горячо высказывать свои впечатления, замечания. Единодушно было признано, что материал очень интересный, волнующий, но тут же все отмечали, что это не пьеса, а «повествование» и что осуществить в театре это невозможно. Конечно, тут же, обступив Таирова, наперебой расспрашивали о том, как он предполагает показать пьесу на сцене. Таиров отвечал, что сила этого произведения как раз в том, что оно не укладывается в существующие каноны и поэтому дает возможность искать пути для создания современной трагедии. Правда, оптимизм Александра Яковлевича присутствующих убедил не до конца.

Прежде чем приступить к репетициям, Вишневский и Таиров отправились в учебный поход на одном из кораблей Балтийского флота. Дело было в октябре, попали они в жестокий шторм. Приехали полные энергии, веселые, с массой впечатлений. Теперь Всеволод буквально переселился в театр, а после репетиции приходил к нам домой и подолгу просиживали они с Таировым, обсуждая прошедшую днем репетицию, взвешивая отдельные детали.

В одной из бесед с работниками Камерного театра Вишневский вспоминал свои первые впечатления от встречи с Ларисой Рейснер:

— Когда она пришла к нам, матросам, мы ей сразу устроили проверку: посадили на моторный катер-истребитель и... под пулеметно-кипальную батарею... Даем полный ход, истребитель идет, мы наблюдаем. Она сидит. Даем поворот, она: «Почему поворачиваете? Рано, надо еще вперед»... С того времени дружба. Ходили в разведку. Человек показал знания, силу. Мы сначала не верили: «Пришла, какая, подумай».

Нечего и говорить, как много давали его рассказы мне, исполнительнице роли Комиссара.

ВСЕВОЛОД Вишневский был идеальным драматургом. Стихия театра была близка ему, всегда вдохновляла на работу. Он внимательно прислушивался к замечаниям актеров, без конца переписывал отдельные сцены. Работать с ним было легко и приятно.

Я как-то сказала ему, что мне хочется, чтобы текст письма, которое во втором акте Комиссар пишет подруге, был интимным. Он ответил:

— Ну, что ж, валия, пиши сама...

Так родилось письмо, начинавшееся словами: «Дорогая моя Муха...»

Атмосфера на репетициях была необычной. Таиров привлек к участию в работе военных моряков. Они должны были следить за тем, чтобы воинские обычаи выполнялись точно. Присутствие моряков создавало на репетициях какую-то особую атмосферу — мы чувствовали себя, как на военном корабле. Лично мне присутствие моряков принесло неожиданную удачу.

Костюмерам никак не удавалось найти кожаную куртку для Комиссара. Те, что приносили из магазинов, были современного покроя, совсем не похожие на куртки, которые носили в гражданскую войну. Моряки были в курсе всех наших забот. И вот как-то во время репетиции в зрительный зал вбежал один из моряков со свертком под мышкой и восторженно закричал мне:

— Алиса Георгиевна, куртку достал! Настоящую! Гражданскую! Комиссарскую!.. И мигом прыгнув на сцену, протянул мне сверток.

Когда я надела куртку, актеры зааплодировали — такая это была удача. Куртка была как по мне сшита, уютная, на бумажной подкладке и, самое главное, бывшая...

СКАЖУ несколько слов о своей роли. Роль Комиссара — одна из самых трудных, которые мне приходилось играть. Авторский материал скуп, а между тем место, которое Комиссар занимает в пьесе, налагает большую ответственность. Мы долго искали ключ к созданию образа. Надо было убедить зрителей, что Комиссар, не произнося никаких громких слов, никаких пламенных монологов, преобразует вздыбленный анархистский отряд в регулярный полк Красной Армии. Надо было воздействовать на публику внутренней убежденностью, революционной страстностью, искренностью. И главное дать почувствовать настоящий масштаб образа. В основном роль Комиссара возникала из молчания — из взгляда, раздумья, улыбки, зоркого внимания к окружающему. Наблюдать, оценивать обстановку, ориентироваться в ситуации и только потом приступить к решительным действиям — это было главной моей внутренней задачей.

Репетиции «Оптимистической трагедии» шли с огромным подъемом. Все мы чувствовали, что театр создает не просто очередную постановку, а спектакль, посвященный великим свершениям партии и народа.

На просмотре в театре присутствовали члены Реввоенсовета, представители высшего командования, моряки и красноармейцы из полшефных частей. Это был незабываемый спектакль. Зрители принимали его с невероятным энтузиазмом, аплодировали, вскакивали среди действия, кричали «ура». Нечего и говорить, как эта реакция воодушевила актеров. Спектакль был принят безоговорочно, театр получил разрешение печатать на афишах: «Посвящается Красной Армии и Флоту».

ДРУЖБА Вишневского и Таирова продолжалась до самых их последних встреч. Помню, как мы проводили Вишневского на фронт. На Ленинградском вокзале пили шампанское за победу. Стоя на площадке вагона, Всеволод потрясал кулаками, грозя фашистам.

Во время блокады не проходило дня, чтобы мы не получали от Вишневского телеграммы или письма из осажденного Ленинграда. Эти письма приходили даже в дни ожесточенных боев, в которых он участвовал. Оттуда же он прислал Таирову и текст своей музыкальной комедии «Раскинулось море широко», которая потом долго и с большим успехом шла в Камерном театре.

К сожалению, лично мне не удалось больше встретиться с Вишневским в общей работе. Но на всю жизнь я сохранила большую благодарность к нему за чудесный подарок — роль Комиссара, которую он вручил мне с надписью: «Алиса, держи, крепко марку военного Красного Флота».